

УДК [81'42:82–191]:[811.161.1+811.581]

UDC [81'42:82–191]:[811.161.1+811.581]

**БАСНЯ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В РУССКОМ
И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ****FABLE AS OBJECT OF
LINGUISTIC STUDY IN
THE RUSSIAN AND CHINESE
LANGUAGES****ХУ ВЭЙ,***аспирант кафедры общего
и русского языкознания БГПУ***Hu Wei***Applicant of the Department of general
and Russian linguistics, BSPU*

Поступила в редакцию 13.10.17.

Received on 13.10.17.

В статье рассматривается жанр басни как национально-культурный языковой код русского и китайского народов, определяются ее выразительные средства и приемы создания художественного образа – аллегория, метафора, ирония, сравнение, индивидуализация речи, ориентация на разговорный стиль, использование пословиц и поговорок и др., устанавливаются некоторые сходства русских и китайских басен.

Ключевые слова: басня, лингвокультурный код, культурные ценности, выразительные средства, национальный характер, иносказание.

The article considers the genre of fable as a national cultural language code of the Russian and Chinese peoples, determines its means of expression and techniques of creating an artistic image – allegory, metaphor, irony, comparison, individualization of speech, focus on the spoken poems, the use of proverbs and sayings, and many others, sets some similarities of Russian and Chinese fables.

Keywords: fable, linguocultural code, cultural values, means of expression, national character, allegory.

Басня является древнейшим творческим жанром, который имеет длительную историю развития в литературном наследии разных стран. Интерпретация басни, как и любого текста, сохраняющего культурную память, в определенной степени зависит от конкретной исторической эпохи. Оставаясь всегда актуальной, она направлена на обличение социальных и нравственных пороков в общественном сознании людей. Поэтому исследование внутренней и внешней структуры басни в рамках контрастивного описания типологически далеких языков – русского и китайского – представляет большой интерес.

Изучение басни как лингвокультурного кода определенных языков предполагает учет ключевых положений лингвокультурологии, основанной на взаимосвязи языка и культуры, постижении культурных ценностей, запечатленных в единицах языковой системы, в устных и письменных текстах. Целью данной статьи является систематизация сведений о жанре русской басни в сопоставлении с китайской, анализ выразительных особенностей басен И. А. Крылова и современных китайских басен Чжан Хэмина.

В энциклопедическом словаре **басня** определяется как жанр дидактической литературы и «представляет собой короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» [1, с. 46]. Басня близка другим литературным жанрам. Так, краткая басня иногда на-

зывается апологом. Повествовательной частью она сближается со сказками (особенно о животных), новеллами, анекдотами, моралистической частью – с пословицами и сентенциями, поэтому басенный жанр интегрирует с другими смежными жанрами. Вершиной русского и китайского басенного наследия является творчество И. А. Крылова и Чжан Хэмина.

И. А. Крылов считал, что искоренить пороки человечества можно через их осмеяние, поэтому в его баснях обнажаются жадность, невежество, глупость с помощью аллегории, пришедшей в литературу из фольклора, притчи, сказок о животных, в которых действуют традиционные персонажи – лиса, медведь, заяц, волк, заведомо наделенные определенной чертой характера. Образы животных у И. А. Крылова – это целые характеры, например: басенный Муравей – олицетворение трудолюбия («Стрекоза и муравей»), Свинья – невежества («Свинья под дубом»), Ягненок – кротости, как *агнец Божий* («Волк и ягненок») [2].

Образной основой басен «Волк на псарне» и «Щука и Кот» является метафора, в которой под образами Волка и Щуки угадывается Наполеон – хитрый, ловкий, умный, умеющий быстро приспособливаться к ситуации. Но, не рассчитав своих возможностей, герой вместо «овчарни» попадает «на псарню». При этом образ Волка не сужается до изображения конкретного человека, он настолько широк и всеобъемлющ, что басня не теряет своей ценности и вне контекста эпохи

[3]. Можно сделать вывод, что человек неотделим от своего социального положения, поэтому образы животных можно классифицировать как социальные метафоры.

Царь, вельможи, чиновники, «маленькие люди» также нашли свое метафорическое отражение у И. А. Крылова. Например, в басне «Лев и Барс», где Лев и Барс – выходцы из высших слоев общества, Лиса и Кот – из чиновничества. Сюда же можно отнести басню «Волк и ягненок». У сильного всегда бессильный виноват – гласит мораль этой басни. Образ Ягненка использован не только как *Агнец Божий* – аллегория слабости и беззащитности, но и предстает как метафора определенного социального уровня, возможно, уровня мелких чиновников [4].

Иногда И. А. Крылов иронизирует не только над социальными пороками (басня «Две собаки»), но и над самой опорой социальной лестницы – государственными институтами, и для этого также используются образы животных. Примером может служить басня «Квартет», где пародируется государственный совет, созданный в 1801 г., и его четыре департамента, возглавляемые *проказницей Мартышкой, Ослом, Козлом и косолапым Мишкой*. Что же ожидает такой квартет-совет в будущем, если главой является даже не свора собак, а именно разные животные [5].

Используемые И. А. Крыловым образы животных с разными характерами, указывают на реалистическую основу крыловской басни. Реализм Крылова, связь его басен с народной основой придает этим текстам русский, национальный дух. Образы животных, которые подчас на иллюстрациях изображены в русских национальных костюмах, являются сатирической типизацией черт русского национального характера конца XVIII – начала XIX в. [3].

И. А. Крылов использует разнообразие способы для создания колоритных образов, например, прием индивидуализации речи персонажа. Баснописец вкладывает в уста животных отдельные элементы разговорной речи разных сословий того времени, например, в басне «Стрекоза и Муравей» Муравей говорит: *Кумушка, мне странно это, / Так поди же, попляши*. Стоит обратить внимание и на ритмику этой басни. Образ Попрыгуньи-Стрекозы создается особым «прыгучим» размером – хореем. И. А. Крылов также широко применяет звукопись для создания «звукового» образа животного. Например, в басне «Змея» инструментовка на шипящие звуки и з, в басне «Мор зверей» повторение *м, у, ы* [2].

Ориентация И. А. Крылова на русскую разговорную речь наглядно проявилась в его баснях благодаря введению в них образа рассказчика. Повествование о действиях персонажей ведется в определенной манере, ясно различим личностный тон рассказчика с присущими ему формами и оборотами речи. Вот «Лебедь, Рак да Щука», взявшись за дело, *из кожи лезут вон, вот Меха-*

ник пуще рвется, чтобы открыть Ларец, вот лягушка, захотевшая сравняться с Волком, вначале стала топорщиться, пыхтеть, а затем *С натуги лопнула и – околела*. Бедняк, увидев Смерть, *оторопел*. Моська появляется *отколе ни возьми* [6]. Язык рассказчика басен – просторечно-фамильярный. Рассказчик как бы находится среди своих персонажей, говорит о них как о знакомых, дает им прозвища: *попрыгунья-Стрекоза, проказница Мартышка, повар-грамотей, механик-мудрец*. Иногда в самих обращениях уже выражено отношение рассказчика: *мой бедный соловей, бедный Фока мой, мой хитрец* («Волк на псарне») и др. [2].

Народное начало речи басен И. А. Крылова убедительно подтверждается использованием в них выражений, многие из которых сегодня стали крылатыми: *Запели молодцы, кто в лес, кто по дрова* («Музыканты»); *А Васька слушает да ест* («Кот и повар»); *А ларчик просто открывался* («Ларчик»); *Слона-то я и не приметил* («Любопытный»). При этом интонации устной речи не выводят ее из области письменного словесного искусства. Басни И. А. Крылова – стихотворные произведения, на которые распространяются законы поэзии.

Встречаются у И. А. Крылова и такие речевые приемы, как сравнение и синекдоха, например: *Тогда все жители, и малый и большой... / И вон из стен московских поднялся, / Как из улья пчелиный рой* («Ворона и курица»); ирония: *Откуда, умная, бредешь, ты, голова?* («Лисица и осёл»); литота: *Какие крохотные коровки!* («Любопытный»); метонимия: *Ну скушай же еще тарелочку, мой милой!*; *Ну, скушай же еще тарелочку, сынок* («Демьянова уха»); сравнение: *Так бегала она, что лапки лишь мелькали* («Белка в колесе»); олицетворение: *помертвело чисто поле, зима катит в глаза* («Стрекоза и муравей») и др. [2]. Все вышесказанное позволяет заключить, что великий баснописец решил задачу сочетания народных элементов со структурой поэтической речи, благодаря чему внес существенный вклад в формирование русского литературного языка и поднял русскую басню на небывалую высоту.

Китайская басня – это жанр китайской литературы, являющийся ироническим произведением. Метафоры, созданные древними мыслителями, применяются в текстах басен до настоящего времени. Острый язык и яркие образы отражают все социальные беды феодального общества Китая. В баснях наказывается зло и поощряется добро, в так называемых фольклорных баснях находит отражение глубокая философия китайского народа, его мудрость. Ряд писателей и ученых, с одной стороны, обращаются к ранее сочиненным басням, с другой – продолжают создавать новые басни как средство аргументации в спорах. Таким образом, большое количество басен сохранилось до настоящего времени и является ценным наследием китайской культуры.

Самые ранние басни в Китае возникли во времена «Чжуан-цзы-басни»: «寓言十九, 籍外论之» (букв. басня содержит, как правило, десять предложений, из которых девять – аргументация), 与 «天下篇: 以重言为真, 以寓言广» (букв. басни принадлежат древним китайским философам и выражают глубокий смысл) [7, с. 87]. Уже в период «Весна и осень» – «春秋» (770–476 гг. до н. э.) в Китае была распространена басня в виде устных народных рассказов, которые дошли до наших дней, например: «攘鸡» (жан цзи, букв. грабить курицу), «揠苗助长» (я мяо чжу чжан, букв. подтягивать руками всходы (желая ускорить их рост, обр. в знач. 'проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением'), «自相矛盾» (цзы сянь мао дунь, букв. противоречить самому себе), «郑人买履» (чжэн жэнь май люй, букв. господин Чжэн покупает обувь), «守株待兔» (шо чжу дай ту, букв. дожидаться зайца под деревом или ждать у моря погоды), «刻舟求剑» (кэ чжоу цю цзянь, букв. сделать на борту лодки зарубку, чтобы потом найти оброненный в воду с этого места меч), «画蛇添足» (хуа шэ тянь цзу, сделать лишнее, букв. пририсовать ноги змее) и т. д. [8, с. 80]. Уже тогда в трудах философов Цинь часто используется аллегория. После периода Хань-Вэй в произведениях китайских философов начинает появляться ирония как прием критического изображения действительности. При династии Тан, Лю Цзун Юань басню применяют в виде прозы в «три обета». Сравнение трех животных – лося, осла, крысы – с тем, кто испорчен слепым высокомерием и эгоизмом, применяется для достижения глубокого смыслового эффекта, при этом основными приемами сравнения являются метафора и аллегория.

Культурно значимые языковые единицы выражают как временные особенности развития того или иного общества – современную автору лингвокультурную ситуацию, под которой понимается динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальной среде, так и фундаментальные духовные ценности народа. Поэтому рассмотрение подобных единиц является значимым не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку «изучение языка во взаимосвязи с культурой способствует проникновению в ментальную сферу представителей того или иного национального языка» [9, с. 96]. Процесс изучения текстов русских и китайских басен закономерен: басня как жанр обычно строилась на основе традиционных сюжетов, в связи с чем каждому басеннику для придания своему произведению индивидуально-авторского характера было необходимо наделить ее национальной спецификой.

Можно установить некоторые сходства русских и китайских басен: это нравоучительный смысл, иносказание, мораль, придуманный сюжет, источник современных идиом. И в русской, и в китайской баснях рождаются устойчивые, пережившие многие поколения выражения, ставшие крылатыми, например: *...Ну, некогда ни пить, ни есть, ни даже духу перевести* («Белка»); *А вы, друзья, как ни садитесь, / все ж в музыканты не годитесь* («Квартет»). В китайской басне также находим множество устойчивых выражений, например: фразеологизм 刻舟求剑 – Kè zhōu qiú jiàn (кэ чжоу цю цзянь), букв. *сделать на борту лодки зарубку, чтобы потом найти оброненный в воду с этого места меч*. В древнекитайской книге «Люйши Чуньцю» (книга была составлена по инициативе выдающегося политического деятеля Люй Буэй (291–235 гг. до н. э.) был рассказ, на основе которого и появился данный фразеологизм. В нем говорится о человеке, переплывавшем реку на лодке и уронившем свой меч в воду (从前有个人, 在乘船渡河时不小心将随身携带的宝剑掉入河中.). Несмотря на потерю, он неторопливо вынул нож и сделал метку на бортике лодки вблизи того места, где упал меч (但他并没有急于下水打捞, 而是 不慌不忙地拿出小刀在船舷上刻了个记号.). Другие люди изумленно смотрели на него (周围的人十分不解.). А он неспешно объяснил, что в месте, где лодка подошла к берегу, он и будет искать пропажу (他解释说, 这便是宝剑落水的地方. 等船靠岸后, 再从此处跳水打捞.). Конечно, в результате у него ничего не получилось (毫无疑问, 他打捞后一无所获.). Главный герой рассказа не сумел правильно оценить обстановку (寓言的主人公没有正确地判断形势.): хотя меч и упал в месте, где он поставил метку, но лодка медленно двигалась, и место, где он начал искать меч, уже не совпало с прежним положением лодки (文中尽管宝剑是在记号处落水的, 但是由于船体的移动, 当他下水打捞时, 入水的位置已经早不是当初标记的位置了.). Мораль: человеку следует своевременно оценивать обстановку и принимать соответствующие меры (这篇寓言主要是说, 应该正确地认清形势, 采取恰当的措施.).

Фразеологизм 画蛇添足 [8, с. 87] – huà shé tiān zú (хуа шэ тянь цзу) – *сделать лишнее*, букв. *пририсовать ноги змее* также берет начало из басни. Таким образом, басня в китайском языке – основа возникновения фразеологизмов.

Рассмотрение способов именования культурных объектов – русских и китайских басен – в диахроническом аспекте позволит установить не только языковые репрезентации национальных особенностей, но и проследить их эволюцию, установить зависимость выбора культурно значимых единиц от времени написания текста, от идейного замысла автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Крылов, И. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. / И. А. Крылов. – М. : Художественная литература, 1945–1946. – Т. III: Басни, стихотворения, письма. – 106 с.
3. Мастерство Крылова-баснописца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/student/?n=210>. – Дата доступа: 12.09.2017.
4. Коровин, В. И. Поэт и мудрец / В. И. Коровин. – М., 1996. – 472 с.
5. Кеневич, В. Ф. Биографические и исторические примечания к басням Крылова / В. Ф. Кеневич. – СПб., 1978. – 109 с.
6. Степанов, Н. Л. Басни Крылова / Н. Л. Степанов. – М. : Художественная литература, 1969. – 112 с.
7. 张会森. 最新俄语语法[M]. 商务印书馆, 2000. (Чжан Хуйсэн. Самая современная русская грамматика / Хуйсэн Чжан. – М. : Коммерческое изд-во, 2000. – 87 с.)
8. 张淳.«庄子»,«韩非子». 南京大学出版社 2014. (Чжан Чунь, «Чжуан-цзы», «Хань Фэй-цзы» / Чунь Чжан. – Н. : Наньцзиньское изд-во, 2014. – 80 с.)
9. Рудов, М. А. Жанр басни в русской литературе / М. А. Рудов. – Фрунзе : Мектеп, 1974. – 96 с.

REFERENCES

1. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1987. – 752 s.
2. Krylov, I. A. Polnoye sobraniye sochineniy : v 3 t. / I. A. Krylov. – M. : Khudozhestvennaya literatura, 1945–1946. – T. III: Basni, stikhotvoreniya, pisma. – 106 s.
3. Masterstvo Krylova-basnopistsa [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kostyor.ru/student/?n=210>. – Data dostupa: 12.09.2017.
4. Korovin, V. I. Poet i mudrets / V. I. Korovin. – M., 1996. – 472 s.
5. Kenevich, V. F. Biograficheskiye i istoricheskiye primechaniya k basnyam Krylova / V. F. Kenevich. – SPb., 1978. – 109 s.
6. Stepanov, N. L. Basni Krylova / N. L. Stepanov. – M. : Khudozhestvennaya literatura, 1969. – 112 s.
7. 张会森.最新俄语语法[M].商务印书馆, 2000. (Chzhan, Khuysen. Samaya sovremennaya russkaya grammatika / Khuysen Chzhan. – M. : Kommercheskoye izd-vo, 2000. – 87 s.)
8. 张淳.«庄子»,«韩非子».南京大学出版社2014. (Chzhan Chun, «Chzhuan-tszy», «Khan Fey-tszy» / Chun Chzhan. – N. : Nantszinsskoye izd-vo, 2014. – 80 s.)
9. Rudov, M. A. Zhanr basni v russkoy literature / M. A. Rudov. – Frunze : Mektep, 1974. – 96 s.